

DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-1-68-84

УДК 271.22-78(470.344)“18”
ББК86.372.81-3(2Рос.Чув)

В.В. ТИМОФЕЕВ, П.В. ТИМОФЕЕВ

**СТАРООБРЯДЦЫ АЛАТЫРСКОГО УЕЗДА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ДОКУМЕНТАХ АЛАТЫРСКОГО УЕЗДНОГО СУДА
10–40-х ГОДОВ XIX ВЕКА**

Ключевые слова: религиозно-социальные группы, старообрядчество, старообрядцы, поповцы, беспоповцы, старообрядческие настоятели, духовные наставники, старообрядческие моленные, русское крестьянство, судопроизводство, Алатырский уезд, Симбирская губерния, Поволжье.

Данная статья посвящена исследованию социального положения старообрядческого населения Алатырского уезда Симбирской губернии. В настоящее время в Российской Федерации активно идет процесс развития религиозной жизни, и в обществе имеется глубинный запрос на восстановление традиционных ценностей, духовности и нравственности. На этом фоне вопросы взаимодействия между властью и старообрядческими общинами на федеральном и местном уровне, изучения их истории и социально-религиозной модели приобретают особую важность.

Основной целью работы является историческое исследование старообрядцев как религиозно-социальной группы в составе населения Алатырского уезда Симбирской губернии на материалах дел Алатырского уездного суда в 10–40-е гг. XIX в.

Методологической основой исследования послужили нарративный (описательно-повествовательный), исторический (историко-генетический) и сравнительный методы. При изучении функционирования среди алатырских старообрядцев института духовного наставничества применялся прозопический метод. В статье впервые дается комплексное историческое описание аспектов жизни и деятельности как отдельных старообрядцев, так и целых старообрядческих общин Алатырского уезда, а также их взаимодействия с органами государственной власти уездного и губернского уровней в том состоянии, в каком они отразились в материалах дел, принятых к рассмотрению Алатырским уездным судом Симбирской губернии в 10–40-х гг. XIX в.

Результаты. Проведен анализ современного состояния материалов Алатырского уездного суда, связанных со старообрядчеством Алатырского уезда Симбирской губернии за период 1810–1840-х гг. Исследовано положение старообрядчества в первой половине XIX в. в Симбирской губернии, а также государственная политика в отношении старообрядцев и размещения старообрядческих общин в Алатырском уезде Симбирской губернии. Также по материалам Алатырского уездного суда изучены судьбы наиболее выдающихся лиц среди старообрядцев уезда, в частности религиозных лидеров и духовных наставников.

Выводы. Исследованные материалы Алатырского уездного суда отражают развитие политики Российской империи по отношению к старообрядчеству в первой трети XIX в.: от нейтрального отношения к покровительству, а затем к жесткой административной репрессии на фоне увеличивающейся численности старообрядческих общин и роста их общественного влияния. Наиболее значимые старообрядческие общины Алатырского уезда располагались в крупных торговых селах – Явлеи (поморцы), Кладбищи (федосеевцы и поморцы), Сыреси (спасовцы) и других населенных пунктах уезда. По социальному происхождению старообрядцы принадлежали, большей своей частью, к крестьянам, при этом среди них были как государственные, так и частновладельческие крестьяне, а также бывшие солдаты. Заметную прослойку среди старообрядцев Алатырского уезда занимали ямщики. В этих селах в большом числе располагались общественные и частные моленные. В общинах совершались общественная молитва, крещения, погребения, заключались браки по чиноположениям соответствующих старообрядческих согласий. Старообрядцы Алатырского уезда имели обширные связи с другими общинами не только в Симбирской губернии, но и далеко за ее пределами. В старообрядческих общинах Алатырского уезда настоятели избирались внутри общин и благословлялись на настоятельство старшими наставниками. Они совершали требы, а также вели реестры старообрядцев своих обществ. Практически все настоятели уезда в первой трети XIX в. подвергались судебным преследованиям и репрессиям.

Актуальность темы определяется тем, что в настоящее время в Российской Федерации активно идет процесс развития религиозной жизни, и в обществе имеется глубинный запрос на восстановление традиционных ценностей, духовности и нравственности. В последние годы наблюдается активное возрождение старообрядческих общин в России, которые до 1917 г. играли важную роль в сохранении религиозных и нравственных основ общества, были известны своей благотворительностью и предпринимательской успешностью. Старообрядческие купеческие династии Рябушинских, Морозовых, Кузнецовых, Солдатёновых и многих других вписали яркие страницы в историю отечественного предпринимательства, меценатства и благотворительности. На этом фоне вопросы взаимодействия между властью и старообрядческими общинами на федеральном и местном уровне, изучения их истории и социально-религиозной модели приобретают особую актуальность. Не случайно 2020 год указом президента России В.В. Путина был объявлен годом выдающегося подвижника веры и писателя XVII века протопопа Аввакума Петрова (священномученика Аввакума).

Симбирская губерния была одним из крупных центров Поволжского старообрядчества. Многочисленное старообрядческое население играло большую роль в экономической и духовной жизни не только Симбирской губернии, но и всей России. Особенно многочисленным было старообрядческое население в Алатырском уезде Симбирской губернии, исторические территории которого сейчас входят в состав трех субъектов Российской Федерации – Чувашской Республики, Ульяновской области и Республики Мордовия. Совместное изучение истории и наследия старообрядческого населения исторического Алатырского уезда является актуальным для историков этих субъектов РФ, так как старообрядцы живут на этих территориях и поныне.

В качестве **объекта исследования** рассмотрены религиозно-социальные общины в Российской империи в первой половине XIX в., а в качестве **предмета изучения** – крестьянские старообрядческие общины Алатырского уезда Симбирской губернии Российской империи в 10–40-х гг. XIX в. Основной **целью** работы определено историческое исследование старообрядцев как религиозной и социальной группы в составе населения Алатырского уезда Симбирской губернии на материалах дел Алатырского уездного суда в 10–40-е гг. XIX в.

Для решения поставленной цели определены следующие **задачи**:

– выявление опубликованных и архивных источников, доступных баз данных о старообрядцах Алатырского уезда Симбирской губернии по материалам Алатырского уездного суда 10–40-х гг. XIX в;

– создание объективной картины положения старообрядцев в первой половине XIX в. как религиозной и социальной группы на основе выявленных источников и анализа исторической литературы.

Методологической основой исследования послужили нарративный (описательно-повествовательный), исторический (историко-генетический) и сравнительный методы. При изучении функционирования среди алатырских старообрядцев института духовного наставничества применялся прозопический метод.

Новизна исследования состоит в том, что в статье впервые дается комплексное историческое описание аспектов жизни и деятельности как отдельных старообрядцев, так и целых старообрядческих общин Алатырского уезда, а также их взаимодействия с органами государственной власти уездного и губернского уровня в том состоянии, как они отразились в материалах дел, принятых к рассмотрению Алатырским уездным судом Симбирской губернии в 10–40-х гг. XIX в.

Результаты исследования. Значительная часть сельского населения Алатырского уезда в первой половине XIX в. составляли старообрядцы разных согласий, в основном беспоповских. Рост старообрядческих общин в конце XVIII – начале XIX в. был обусловлен общим смягчением курса правительства Российской империи в отношении старообрядцев. Наиболее важными в этом отношении были законодательные акты времен Екатерины II, особенно указ от 8 ноября 1782 г., снявший со старообрядцев обязанность платить так называемый «двойной оклад» [4. С. 745], и указ от 12 августа 1785 г., дозволивший старообрядцам избираться на должности согласно Городовому положению [5. С. 437–438].

В старообрядческих общинах Алатырского уезда, как и во всех старообрядческих общинах России, прихожане, с точки зрения правительства и Синода, делились на две группы: «записных» и «незаписных» (потаенных) староверов, причем вторых было большинство. Такое положение сложилось в результате того, что со времен раскола Церкви (1653–1666 гг.) старообрядчество не имело в России легального статуса вплоть до указа Петра I от 8 февраля 1716 г., согласно которому для старообрядцев устанавливались двойной размер подати («двойной оклад») и обязательная «запись в раскол» [7. С. 166]. Было очевидным, что отнюдь не все старообрядцы захотят «легализоваться» на этих условиях, поэтому в указе от 14 февраля 1716 г. по ведомству Святейшего Синода говорилось: «а буде...кто в покорении ко Святей Церкви быть не восхоцет и в раскол не запишется, и станут жить тайно, таковым чинить гражданское наказание без милосердия» [8. С. 2]. Таким образом, возникло разделение старообрядцев на «записных» (окладных, двоеданов) и «незаписных» (потаенных). «Записными» старообрядцами, или «записными раскольниками» (по официальной терминологии), называли тех, которые открыто объявили себя старообрядцами, «записались в раскол» и согласились на уплату двойного налога. Такой порядок налогообложения старообрядцев, который, по сути своей, мало отличался от своеобразной формы дани, применялся со времен Петра I до 1782 г. «Незаписными», соответственно, считались те, кто «в раскол» не записался. Следует отметить, что счисление старообрядцев «производилось чиновниками местной администрации. Они представляли именные ведомости в центральное управление, находившееся в Москве. Сначала, пока счисление находилось в ведомстве святейшего синода, это управление находилось при духовной инквизиции, а потом, когда счисление перешло в ведомство правительствующего сената, управление сосредоточено было в особо учрежденной раскольнической конторе. Именные ведомости поверялись, и счет раскольников по возможности контролировался, но действительная численность разномыслящих с господствующею церковью в точности все-таки не была известна. Цифры “духовной инквизиции” и “раскольнической конторы” были гораздо ниже цифры действительной, что видно из множества правительственных распоряжений прошлого столетия об отыскании “потаенных раскольников” и обложении их двойным окладом» [3]. Память об этом несправедливом обложении долго сохранялась, и старообрядцы, прежде платившие двойной оклад, еще в начале XIX в. могли именоваться «записными». С начала XIX в. приходское духовенство, наряду с обычными исповедными ведомостями о бывших на исповеди и у причастия, начало вести так называемые «раскольничьи ведомости». В них заносили старообрядцев мужского и женского пола, которые официально и по решению духовных консисторий уже не принадлежали к синодальной церкви.

Относительно либеральный курс по отношению к старообрядчеству завершился с окончанием правления Александра I. При Николае I отношение

к старообрядцам значительно ужесточилось. В конце 1820-х-начале 1830-х гг. началась волна преследований старообрядцев, имевших целью искоренение старообрядчества путем присоединения к синодальной церкви или через перевод старообрядцев в единоверие. Неудивительно, что твердость в вере среди старообрядцев была очень велика, так как постоянное явное и скрытое ущемление прав, необходимость защиты веры формировали стойкость убеждений, готовность к исповедничеству.

Алатырский уезд Симбирской губернии уже с XVIII в. был одним из крупных центров сосредоточения старообрядчества в Поволжье. В уезде было много крупных сел, старообрядческое население которых, принадлежавшее к разным согласиям (федосеевцы, поморцы, даниловцы, спасовцы, странники), в первой половине XIX в. исчислялось тысячами душ: Промзино, Явлеи, Кладбищи, Сыреси, Сурской Майдан, Миренки, Кувакино, Березовый Майдан, Ждамирово и др.

Территория Алатырского уезда в духовном отношении подчинялась Алатырскому духовному правлению, которое, в свою очередь, подчинялось Казанской духовной консистории. Именно через духовное правление в консисторию приходили жалобы уездного синодального духовенства на старообрядцев, проживающих на этих территориях.

Одним из таких стойких «записных» староверов был наставник из с. Явлеи Алатырского уезда Симбирской губернии Степан Кузьмич Лапшин, родившийся в 1747 г., после учреждения Коллегии экономии, числился экономическим крестьянином.

Явлеи были старинным старообрядческим селом. Первые, ставшие известными властям, сведения о старообрядцах в нем относятся к 1750 г. Общее число старообрядцев (как записных, так и потаенных) в течение первой половины XIX в. в селе выросло с 800 (в 1835 г.) до более чем 1000 (1853 г.) [1. С. 36, 38].

Степан Лапшин был наставником в явлейской старообрядческой моленной в течение многих десятков лет, совершал крещения, погребения, принимал на исповедь, вел церковные службы. Его авторитет и роль в жизни старообрядческой общины в селе Явлеи была настолько велики, что многие крестьяне под его влиянием переходили из синодальной церкви в старообрядчество, т.е. становились так называемыми «незаписными» старообрядцами. И таких среди явлейских старообрядцев было большинство. В документах Алатырского уездного суда (допрос от 22 января 1828 г., проводившийся дворянским заседателем Бухваловым) о С.К. Лапшине имеются следующие сведения: «Степаном его зовут Кузмин сын по прозванию Лапшин, от роду ему 82-й год Алатырского уезда села Явлеи казенный крестьянин... на исповеди и у св. причастия по состоянию его в старообрядческой секте никогда не бывал, грамоте чтением книг знает, а писать не умеет. В котором селении от состоящих в старообрядчестве крестьян с издавних лет избран он настоятелем для исправления их треб» [2. Д. 729. Л. 4–4об.]. После избрания он был благословлен в настоятели приезжавшим в Явлеи из Москвы наставником, «старцем почтенным», Иваном Тихоновым [1. С. 37]. Неудивительно, что синодальное явлейское духовенство всеми силами пыталось остановить наставническую деятельность С.К. Кузьмина. Вследствие того, что миссионерство среди старообрядцев успеха почти не имело, синодальное духовенство регулярно обращалось к светским властям с доносами на С.К. Кузьмина, требуя привлечь его к светскому суду за совершение старообрядческих треб. Под такими документами явлейские священно- и церковнослужители подписывались иногда в полном составе. Некоторые доносы содержали фантастические обвинения. Например, 2 января

1828 г. в Алатырский земский суд на гербовой бумаге ценой в 50 копеек был направлен документ, озаглавленный «Алатырского уезда села Явлеи всех священно-, церковнослужителей объявление» [2. Д. 729. Л. 2], в котором заявлялось, что записной старообрядец Лапшин похоронил ночью по своему обряду умершую вдову Прасковью Симонову. К этому «объявлению» «приложили руку» священник Лев Иванов, диакон Павел Васильев, дьячок Матвей Семенов и пономарь Егор Осипов. Явлейское духовенство у алатырских уездных властей просило оказать ему «законную защиту и покровительство» от действий 81-летнего старца Степана Лапшина. Текст этого документа представляет интерес, так как показывает механизм, к которому прибегало синодальное духовенство, чтобы использовать репрессивную машину государства для борьбы со старообрядцами и, шире, – со своими религиозными оппонентами. «В Алатырский земский суд Алатырского уезда села Явлеи всех священно-, церковнослужителей объявление. Минувшего декабря 31 дня, – писали духовные лица, – нашего села Явлей записной раскольник Степан Козмин Лапшин схоронил в ночное время без нашего ведома состоящую в правоверии вдову Прасковью Симонову, чем самым и нанес церкви Божией явное оскорбление, а прочим правоверным подал великий соблазн. О чем, объявляя в оный суд, покорнейше просим сие наше объявление принять, с крестьянином Степаном Лапшиным за происшедшее его противозаконное действие поступить по законам и нам оказать законную защиту и покровительство» [2. Д. 729. Л. 2]. Позиция авторов этого обращения в Алатырский суд недвусмысленно показывает, что для них требы, совершаемые старообрядцами, – это противозаконные действия, они оскорбляют церковь, а для простых верующих синодальной церкви подают повод к «великому соблазну».

«Великий соблазн» состоял в том, что значительное число жителей сел Алатырского уезда лишь номинально числилось в списках прихожан синодальной церкви, годами не бывало на исповеди и не причащалось. Синодальное духовенство тем не менее считало их своими прихожанами, занижая официальную численность старообрядцев и рассчитывая на получение с них определенных доходов. В действительности динамика роста численности старообрядческих общин была налицо. Например, в селе Сыреси Алатырского уезда «в 1799 г. отмечено в росписях не бывшими у исповеди за упрямством 576 душ; в 1819 г. – 1302 человека; в следующем году – 703 за расколом, а 507 за упрямством» [1. С. 35].

Опасения потерять значительную часть паствы в сложившихся условиях были очевидны, поэтому явлейское духовенство, во избежание такого сугубо «экономического» понимания их «объявления» со стороны светских властей, сообщает о якобы имевших место нарушениях закона: а) погребение старообрядцем нестарообрядки (при наличии среди явлейских крестьян «незаписных» старообрядцев выдвинуть такое обвинение было нетрудно) и б) совершение похорон в ночное время.

Сам старообрядческий наставник Степан Лапшин 22 января 1828 г. по сути выдвинутых против него обвинений дал дворянскому заседателю Алатырского уездного суда Бухвалову показания, которые отражены в протоколе допроса следующим образом: «Действительно, он назад тому недели с три находившюся лет с тридцать или более в их секте, а не в правоверии, онаго села Явлеи крестьянскую женку вдову Прасковью Симонову, имевшую от роду около девяноста лет, умершую от болезни, будучи в оной четыре дни и по старости своих лет, по обряду своему схоронил не в ночное время, а днем еще задолго до солнечного заката, в чем ссылку имеет на состоящего в правоверии родного сына ея Самойлу Яковлева с его женою... [умершую] женку ему хоронить в ночное

время было не для чего, да и быть сего никогда не может, потому что он, состоящих в его секте крестьян, завсегда хоронит не потаенно. Напредь сего находился он под судом за исправление сих треб, но по невинности своей оправдан и ничем не наказан» [2. Д. 729. Л. 4об.–5].

Совершенно очевидно, что крестьянская вдова Прасковья Самойлова была именно «незаписной» старообрядкой. Положение незаписных старообрядцев было непростым: фактически они уже давно, многие годы, а иногда и с самого рождения, были старообрядцами, но по церковным метрикам и приходским спискам они числились членами приходов синодальной церкви. Это давало возможность местному духовенству использовать неопределенность правового статуса «потаенных старообрядцев» в своих интересах. Скрывая истинное число старообрядцев, можно было, во-первых, показать себя перед духовными властями способным пастырем, из прихода которого крестьяне не уклоняются в раскол, а во-вторых, использовать «потаенных раскольников» в своих финансовых интересах.

Нередки были случаи принуждения старообрядцев к уплате каких-либо сумм в пользу приходского духовенства. При Петре I такая практика была узаконена указом от 15 мая 1722 г. в пункте 23 о гривенном сборе: «С обретающихся в приходах раскольников брать приходским их священникам с причетниками со всякого раскольникового двора по гривне с души в год, а сверх того от рождения гривна, от женитьбы гривна, от погребения гривна» [6. С. 680–681]. Несмотря на то, что в правление Екатерины II эти поборы формально были отменены, однако на практике они продолжались еще длительное время. Например, Алатырский уездный суд в приговоре по делу крестьян-старообрядцев от 12 ноября 1821 г. особо отметил: «между тем некоторые из них изъявляют жалобы на священников в оказываемых им притеснениях взиманием излишних сверх установленных за требы плат и хождением в их дома без зову усиленно, – чем более они побуждаются пребывать в старообрядчестве, ибо у них по старообрядчеству выбранные к исправлению принимаемых или треб хорошего и добропорядочного поведения старики, никаких плат за то не требуют, но всегда при первоначальном позыве споспешествуют являться к исполнению нужного, и, хотя из числа их некоторые, в подаваемых начальству просьбах, и жаловались на священников в притеснениях и в непринимании и начальством их о крещении вновь рожденных и похоронении умерших по обряду старообрядческому надлежащих именных списков, но в том доньине не получили себе удовлетворения. В доказательство того, что они придерживаются одним правилам старообрядчества ссылаются на многие следствия об них по доносам священников бывшие, которым сверх того никакого публичного о секте старообрядцев оказательства от них не открылось, и никаких непопозволенных законом прибежищ, и собрания людей и других вредных последствий, нарушающих общий порядок, не найдено, кроме мнения» [2. Л. Д. 729. 254–254об.]. Таким образом, мнение суда показывает, что старообрядчество не было дискредитировано в глазах светской власти, несмотря на многочисленные доносы и судебные процессы. Это давало возможность массового перехода в старообрядчество сочувствующих староверию крестьян. Этого как раз и не хотело допустить синодальное духовенство.

Как писал в свое время (1868 г.) П.И. Мельников, «раскольник записной для причта человек потерянный, с него он не получит ни копейки. Напротив, незаписной составляет важную статью в домашнем бюджете церковнослужителей. Незаписной в книгах раскольник считается православным, но отмечается не бывающим у исповеди и св. причастия или по наклонности к расколу, чаще по наречению или по опущению, а иногда даже отмечается бытчиком

(непрерывно один раз в десять лет). Такой раскольник, сроду не бывавший и на церковной паперти, но зачисленный по церковным ведомостям православным, несравненно выгоднее для причта, чем самый усердный прихожанин. За то, чтоб у него не исправлять треб, он платит гораздо дороже, чем усердный к церкви прихожанин за исправление их. Притом доход с “незаписного” вернее и обеспеченнее; чуть воспротивился он платить положенную дань, на него готов донос: отца похоронил в лесу, сына крестил неизвестно где, дочь венчалась не при церкви и т. п. Так бывало в прежнее время, а по местам и до сих пор (1868) делается. Начнется, бывало, следствие, и, хотя дело ничем не кончится, ибо в “Уложении о наказаниях” за подобные проступки наказания не полагается, однако же неговорчивому даннику нахождение под следствием всегда обходилось гораздо дороже той суммы, которую он поупрямился заплатить своевременно. Дело затягивалось на несколько лет; а находящемуся под следствием не выдавали паспортов, и если он человек торговый, то много терял от невольного домоседства» [7].

Неудивительно, что синодальное духовенство стремилось вернуть под свою духовную власть «отпавших в раскол» и преследовало их духовных лидеров. Против того же явлейского старообрядческого наставника Степана Лапшина, по справке уездного алатырского архивариуса, пять раз возбуждались дела, которые тянулись годами: в 1800 г. он был судим за небытие на исповеди и у причастия, но оставлен свободным; в 1808 г. — за присоединение к старообрядчеству экономического крестьянина Григория Афанасьева, но из Симбирской уголовной палаты дело было передано в духовную консисторию; в 1809 г. за погребение по-старообрядчески умершей крестьянской девочки, дело также передано в консисторию; в 1811 г. вновь судим за погребение по-старообрядчески явлейского крестьянина, вновь оставлен без наказания; в 1813 г. был судим за чтение молитв и наречение имен двум старообрядческим младенцам из села Явлеи, освобожден от суда по императорскому манифесту от 30 августа 1814 г. [2. Д. 729. Л. 23–23об.].

Нетрудно заметить, что все указанные дела возбуждались по мотивам преследования старообрядческого наставника за веру и совершение треб по-старообрядчески. Явлейские крестьяне открыто заявили об этом заседателю Алатырского уездного суда 23 января 1828 г. и ответственность за это возложили на местное явлейское духовенство. Важно отметить, что и члены синодальной церкви (10 человек), и старообрядцы (13 человек), а это были и выборные, и старшины, и рядовые, призванные ко свидетельству, дали взаимно дополняющие друг друга показания. В протоколе это отразилось в виде механического соединения показаний обеих групп свидетелей. Православные крестьяне сказали, что против «старообрядческого настоятеля Степана Лапшина» «несправедливость выводят села нашего священнослужители совсем напрасно и единственно по недоброжелательству от нас к старообрядцам», и сразу же после этих слов идут уже старообрядческие показания: «через что претерпеваем мы, старообрядцы, от них совершенно напрасное себе прискорбие и стеснение. Во избежание чего просим вас обязать их подпискою в том, чтоб они на будущее время нас напонапрасну ни в чем не стесняли и с таковыми неправильными доносами не входили, причем все мы показуем, что настоятель Степан Лапшин напредь сего поведения был добраго и ни в каковых дурных законопреступных поступках нами замечен нигде не был» [2. Д. 729. Л. 11–11об.].

Существенным является то, что алатырские судебные власти в период либерального царствования Александра I были согласны с простыми явлейскими крестьянами и усматривали во всех этих делах против старообрядческого наставника Степана Лапшина именно религиозную основу, поэтому оставляли

его без уголовного наказания, направляя дела в духовную консисторию. Более того, в результате многочисленных дел против старообрядцев, рассмотренных Алатырским уездным судом в первой четверти XIX в., для уездных судебных властей стало очевидным, что именно местное духовенство является инициатором преследования старообрядцев с целью принуждения их к переходу в синодальную церковь, используя в качестве инструмента для достижения этой цели светские суды, а не средства духовного увещания [9. С. 78]. В этом отношении показателен приговор, вынесенный 21 ноября 1821 г. Алатырским уездным судом по делу группы старообрядцев разных сел (Кладбищи, Явлеи, Ямской Слободы, Кувакино, Березовского Майдана) Ф. Федорова, В. Логинова, В.И. Быкова, С.К. Лапшина. С.Я. Овчинникова, С. Никифорова и других, тянувшегося еще с августа 1818 г.: «Уездный суд сей, соображая все обстоятельства с точным содержанием высочайших повелений, состоявшихся 1758 декабря 29, 1801 апреля 9 и 1820 годов мая 29 числ, не находя в старообрядческой секте никакого богохуления и святей церкви поношения, а имея в виду, что старообрядцы придерживаются только старопечатным книгам, вновь введенных в церквах обрядов не приемлют и исправляют некоторые требы сами по себе, запрещения о том делать им не может и, не преследуя за мнение, о их секте полагает: оставить старообрядцев без всякого суда и взыскания как они есть и всякое к ним притеснение от священников, будто оно точно происходит посредством духовного правительства, оградить, не принуждая их, старообрядцев, силою к принятию установленных в церквах обрядов. Суд нужным считает, согласно высочайшим повелениям, вменить в обязанность духовенству, чтобы они через своих увещателей склоняли их, старообрядцев, к принятию новых обрядов добровольно» [2. Д. 332. Л. 254об.–255]. Иными словами, суд признал справедливым не наказывать старообрядцев за их веру, а духовенство призвать не притеснять старообрядцев, чтобы они принимали новые обряды, а действовать увещаниями и убеждениями. При этом суд прекрасно понимал, что дело увещания это будет нескорым, поэтому, проявил заботу и о государственном интересе, предложив фактически установить особые старообрядческие метрики: «дотолева покамест мера сия будет иметь свои успехи нелишним предполагается к охранению порядка для счету в государстве убылых и прибылых людей, через метрические книги установленного, принимать от старообрядцев о рожденных и умерших людях именные списки, которые они должны доставлять духовным властям, а в случае непринятия оных, то представлять оные в земский суд для отсылки в духовные правления или чрез губернское правление в духовную консисторию» [2. Д. 332. Л. 255].

Следует сказать, что относительно либеральный курс по отношению к старообрядчеству завершился с окончанием правления Александра I. При Николае I отношение к старообрядцам значительно ужесточилось. В конце 1820-х – начале 1830-х гг. началась волна преследований старообрядцев, имевших целью искоренение старообрядчества путем присоединения к синодальной церкви или через перевод старообрядцев в единоверие [9. С. 80]. Этот процесс непосредственно затронул старообрядцев Алатырского уезда. В марте 1829 г. новобрядческий благочинный из села Сутяжного священник Матвей Поликарпов «в сообщении прописал: отыскал-де он через посредство священно-церковнослужителей ведомства его Алатырского уезда в селах Являях восемь человек и Кладбищах восемь человек младенцев, кои ... молитвословлены и крещены раскольниками», при этом в совершении этого «преступления» прямо обвинялись все старообрядческие наставники в селах Явлеи и Кладбищи [2. Д. 832. Л. 45]. Алатырский уездный суд, сославшись на показания свидетелей и на свое прежнее решение от 12 ноября

1821 г., пришел к выводу, что «старообрядцам исправление духовных треб не воспрещается. А потому согласно Военного процесса 2-й части 1-й главы 2-го и 5 главы 9 пункта уездный суд полагает означенных крестьян, как по извету благочинного Поликарпова виновными недоказанных, оставить от дела сего свободными» [2. Д. 832. Л. 48–48об.]. Однако времена уже изменились, и суд решил только что вынесенное свое решение не исполнять, а «дело оное по силе указа 1798 года февраля 18 числа представить на ревизию в Симбирскую палату уголовного суда» [2. Д. 832. Л. 48об.]. В это дело в марте 1830 г. вмешался Симбирский гражданский губернатор, доложивший о нем министру внутренних дел Российской империи. Симбирская палата уголовного суда пересмотрела решение Алатырского земского суда и вынесла приговор, по которому старообрядческие наставники признавались виновными в том, что «при упорной своей закоренелости дерзнули употреблять себя орудием к совращению других и крестить новорожденных по своему ложному обряду... и что многие из обывателей... через соблазны их не только сами отстали от православной веры, но и детей своих посвятили на жертву пагубного заблуждения, чему главною причиною суть означенные совратители, принявшие на себя обязанность своевольным образом крестить новорожденных детей» [2. Д. 832. Л. 48об.]. Наставников Сергея Яковлевича Серебрякова, Федор Алексеевича Безукладнова, Михайла Терентьевича Баландина приказано было «наказать в жительстве публично плетьюми каждого сорока ударами и оставить в том с подтверждением впредь от подобных поступков воздержаться» [2. Д. 832. Л. 55–55об.], а наставников Степана Кузьмича Лапшина и Павла Дементьева, «кои по старости лет... от телесного наказания избавляются, как вредных для блага других, удалить вечно, по назначению духовного ведомства, в отдаленный монастырь» [2. Д. 832. Л. 56об.]. Помимо этого, подсудимых крестьян сел Кладбищи и Явлеи предписывалось обязать подписками, «чтобы впредь новорожденных детей своих крестить по раскольническому обряду ни под каким предлогом не осмеливались под опасением в противном случае телесного наказания и удаления из жительства. А не следует ли над детьми их, крещенными по-раскольнически, совершить миропомазание или малое крещение... о сем отдать на заключение Казанской духовной консистории», а надзор «за исполнением сего обряда строжайшим образом возложить как на приходских священников, так и... на земскую полицию» [2. Д. 832. Л. 56об.–57].

Важно отметить, что новый курс на ужесточение имперской политики по отношению к старообрядцам не находил поддержки на нижних ступенях государственной машины. Часто на местах, в уездах не считали репрессии и преследования старообрядцев оправданными. Будет показательно сравнить отношение к старообрядцам Алатырского уездного суда и губернских учреждений. Из многих, приведенных выше материалов, следует, что Алатырский уездный суд не видел никакой опасности в старообрядцах и не поддерживал репрессивное рвение местного духовенства. При этом все решения данного суда вплоть до 1830 г. по делам, связанным с обвинениями старообрядцев в совершении треб по своим чинам, были благоприятными для старообрядцев. Показательна справка суда о процессах над старообрядческим наставником Степаном Лапшиным. Из 8 дел, возбужденных против него, 7 окончились оправдательными приговорами: «по восьми делам за исправление треб по раскольническому обряду по семи делам оставлен свободным, а по последнему осьмому, решенному в суде сем по общему присудствию... сего года мая 28-го за крещение новорожденных и погребение умерших православных по-раскольнически, приговорен

к отсылке по старости лет вечно в монастырь» [2. Д. 764. Л. 48]. Такая практика Алатырского уездного суда в 1830 г. крайне негативно была воспринята на уровне губернии. Более того, весь состав данного суда был обвинен Симбирской палатой уголовного суда в «покровительстве расколу», а его решения объявлены «беззаконными». В указе Симбирской палаты уголовного суда Алатырскому уездному суду от 3 апреля 1830 г. о самом этом суде говорилось: «в мнении уездного суда вместо пресечения столь видимого зла замечается явная покровка к усилению онаго и размножению раскольников. Таковое послабление доказывается не только беззаконным заключением о столь явственном предмете, но еще принято тем судом в пример столь же неправильно последовавшее в оном 1821 году по особому делу решение с которого и выдана, судившимся тогда раскольникам, за скрепою бывших тогда присутствующих копия, служащая поводом к заблуждению слабомыслящих поселян. То поступок подписавших по настоящему делу беззаконное решение членов уездного суда судьи Вязмитинова, дворянских заседателей Попова и Желудовского, и сельских – Ярилина и Сурова, и секретаря Попова отдать на заключение Симбирского губернского правления. О прежних же чинах, выдавших с помянутого решения незаконно копию, оставить ныне без заключения» [2. Д. 764. Л. 57–58].

Большое число старообрядческих беспоповских общин в Алатырском уезде подразумевало, безусловно, наличие в них духовных наставников. Действительно, во всех крупных селах уезда старообрядческие наставники активно действовали, вызывая, конечно, большое недовольство местного синодального духовенства, которое неоднократно выступало с необоснованными жалобами на старообрядцев перед уездными властями и консисторией. А это, в свою очередь, вызывало многочисленные судебные преследования старообрядцев. Только в течение 1818–1821 гг. в Алатырском уездном суде против старообрядческих наставников находилось в производстве 7 дел. В глазах простых алатырских крестьян старообрядческий наставник выглядел более предпочтительно, чем местный синодальный клир. Алатырский уездный суд вынужден был констатировать в своем приказе от 12 ноября 1821 г., что некоторые старообрядцы уезда «изъявляют жалобы на священников в оказываемых им притеснениях взиманием излишних сверх установленных за требы плат и хождением в их дома без зову усиленно, чем они побуждаются пребывать в старообрядстве, ибо у них по старообрядству выбранные к исправлению принимаемых ими треб хорошего и добропорядочного поведения старики, никаких плат за то не требуют, но всегда при первоначальном позыве поспешествуют являться к исполнению нужного» [2. Д. 332. Л. 254].

В первой трети XIX в. в Алатырском уезде действовали следующие духовные наставники: в селе Кладбищи Федор Федоров, Никола Яковлев, Петр Макаров; в селе Ямская Слобода – Василий Логвинов; в частновладельческом гг. Потемкиных селе Промзине-Городищах – Иван Фролов Гаврилов, Петр Иванов Алеев; в удельном селе Гулюшеве – Иван Васильев; в селе Являях – Степан Лапшин и Сергей Яковлев; в деревне Березовский Майдан – Степан Никифоров. В Алатырском уездном суде было доказано, что все они относятся к одному и тому же согласию в старообрядчестве («они придерживаются одним правилам старообрядства») и являются безбрачными поморцами. Наставник Федор Федоров также духовно окормлял и старообрядцев с. Кувакин).

В некоторых актах Алатырского уездного суда старообрядческие наставники прямо именуется «старообрядческими настоятелями». Например, в подписке, которую пытались взять 18 июня 1821 г. у явлейского старшего наставника

С.К. Лапшина, он именуется: «Алатырского уезда села Явлеи старообрядческой секты настоятель казенный крестьянин Степан Кузмин сын Лапшин» [2. Д. 332. Л. 203–204], а так как С.К. Лапшин отказался подписывать эту бумагу, то с формулировкой «за старообрядческого настоятеля» подписался синодальный священник Василий Кедров [2. Д. 332. Л. 204]. По социальному составу беспоповские настоятели избирались из всех слоев сельского населения: казенных крестьян (Ф. Федоров, Н. Яковлев, С.К. Лапшин, С. Яковлев, С. Никифоров, П. Макаров), ямщиков (В. Логвинов), частновладельческих крестьян (И.Ф. Гаврилов), удельных крестьян (И. Васильев).

В старообрядческих общинах Алатырского уезда действовала практика выбора духовных наставников самими жителями того или иного села. Об этом неоднократно сообщали властям сами духовные наставники. Например, наставник из с. Кладбищи Федор Федоров сказал, что состоит в старообрядчестве «с начала малолетства, по примеру и родных своих крещен был по-старообрядчески, и ныне он находится у старообрядцев своего села по выбору их обще своего ж села с крестьянином Николаем Яковлевым при исправлении разных священнических треб именно молитвословие и крещение, похоронение умерших» [2. Д. 332. Л. 249]. Крестьянин Березового Майдана Захар Сергеев Мингалев сообщал, что кандидата в наставники избирают старики: «пошел он к тому крестьянину Никифорову и просил по худости младенца окрестить, потому что он стариками их деревни, состоящими в одной секте, избран для исправления по обряду ихому разных треб» [2. Д. 332. Л. 222об.].

Эта практика основывалась на традиционной практике дораскольной Русской Церкви выбора кандидатов в духовные степени, в том числе на диаконство и священство, самими прихожанами. Эти кандидатуры впоследствии рассматривал правящий архиерей и рукополагал достойных.

В условиях отсутствия священства у беспоповцев после выбора кандидата в наставники его благословляли на совершение духовных треб старшие духовные наставники и даже давали «письменное наставление». В частности, известно, что такое «письменное наставление» получил наставник из д. Березовский Майдан Степан Никифоров от наставника из с. Кладбищи Петра Макарова. Об этом, в частности, сообщили 22 июля 1821 г. дворянскому заседателю Алатырского земского суда Яковлеву крестьяне деревни Березовский Майдан Иван Лаврентьев Мингалев и Ефим Федоров Мумин, показания которых были записаны в следующем виде: «как мы, находясь в старообрядческой секте с измалых лет кто нас в оную привел не помним. Находящийся в нашей секте деревни нашей крестьянин Степан Никифоров для исправления по деревне нашей разных треб действительно был выбран деревни нашей обывателями, состоящими вообще с нами старообрядческой секте, так равно и села Кладбищ крестьянином Петром Макаровым с протчими крестьянами, находящимися в оной секте, от которого крестьянина Макарова и дано ему было нащет исправления треб письменное наставление» [2. Д. 332. Л. 226].

Как объяснил 23 июля 1821 г. сам духовный наставник Петр Макаров, указанное «письменное наставление» состояло из «согласия и копии из манифеста». «Подлинно я, – сказал П. Макаров, – еще при жизни родного своего дяди Игнатя Савельева по нахождению нашему с издетства в старообрядческой секте и, будучи при исправлении в сей секте треб, вообще с оным своим дядею и обществом нашей секты здешняго уезда деревни Березовского Майдану крестьянам Степану Никифорову, Сергею Лаврентьеву вступить в оную нашу

секту и склонение имели...из коих Степану Никифорову действительно от нас для исправления в их деревне по нашей секте треб согласие и копию с манифеста, состоявшегося прошлого 1801-го года марта 12 дня о нашей старообрядческой секте, дана была, которая копия неизвестно мне от кого получена была еще умершим моим вышеописанным родным дядею, каковая и у меня имеется на простой же бумаге» [2. Д. 332. Л. 230–230об.].

При многих населенных пунктах Алатырского уезда в первой трети XIX в. существовали старообрядческие кладбища. Например, они были известны при с. Явлеи (с 1790 г.) [2. Д. 222. Л. 174], с. Кладбищи [2. Д. 332. Л. 249], с. Кувакине [2. Д. 332. Л. 215], Березовском (Березовом) Майдане [2. Д. 332. Л. 215], Промзине-Городищах [2. Д. 273. Л. 28], и других местах. Следует отметить, что не на всех этих кладбищах в начале 1820-х гг. совершались погребения. Известно, например, что на кладбище в Березовском Майдане в 1821 г., по свидетельству духовного наставника Степана Никифорова, погребения еще не совершались. Рассказывая о погребении умершей крестьянской девочки Лукерьи Мингалевой, он сказал 21 июля 1821 г.: «дед того младенца крестьянин Сергей Лаврентьев сказал, что тот младенец помер, которому он, Никифоров, велел отнести для похоронения на отведенных в селе Кувакине старообрядческие кладбища потому, что хотя при их деревне и есть таковыя кладбища, но похоронения на них не производят» [2. Д. 332. Л. 214об.–215]. Быть погребенными на этих кладбищах могли быть только крещенные старообрядцы. Самоубийцы и умершие при неустановленных обстоятельствах на старообрядческих кладбищах не хоронились. Для погребения скоропостижно скончавшихся требовались документы официальных уездных органов. Наставник из с. Кладбищи Ф. Федоров свидетельствовал, что старообрядцы «умерших скоропостижно и протчих подобных без свидетельства присудственных мест не похороняют» [2. Д. 332. Л. 249об.].

За исправление треб никакой установленной платы у старообрядцев не было. «За исправление треб своих, – говорил наставник Ф. Федоров, – они ничего не получают и требования такового не чинят» [2. Д. 332. Л. 249об.]. Алатырский уездный суд также констатировал 12 ноября 1821 г., что «выбранные к исправлению принимаемых ими треб...никаких плат за то не требуют» [2. Д. 332. Л. 254]. Однако старообрядец от своего усердия мог дать наставнику не за требу, а за его труд по своей воле столько, сколько считал нужным.

Практика наставнического служения кратко описана протоколистами Алатырского уездного суда, например, со слов Ф. Федорова (с. Кладбищи), следующим образом: «ныне он находится у старообрядцев своего села по выбору их обще своего ж села с крестьянином Николаем Яковлевым при исправлении разных священнических треб именно молитвословие и крещение, похоронение умерших на отведенных особо по предписаниям начальства кладбищах по старопечатным книгам, каковыя требы исправляются у них не тайным обрядом, а по установленным в церквах обрядам, но только порядком прежде установленным до Никона патриарха и от перемены рукоположительного креста вместо трех слагаемых пальцев они слагают два, а третьим придерживают два последних на руке два пальца наподобие благословенного. Святые таинства и браков не совершают, потому что они предпочтительнее других (имеется в виду, что они могут совершаться только священниками, а не мирянами. – Авт.), а не принимают святые таинства потому, что они совершаются священниками по нововведенным в церквах обрядам» [2. Д. 332. Л. 249–249об.]. У наставника из с. Промзина-Городищ Петра Ивановича Алеева также имелся данный указ. Один из промзинских

крестьян Иван Фролов сообщил в сентябре 1821 г., что «в исправлении треб они руководствуются имевшимся у них указом, данным от вышнего начальства, который из промзинских находится у крестьянина Петра Иванова Алеева, который в Промзине исправляет всякие требы» [2. Д. 275. Л. 25об.–26].

Старообрядцы поклонялись древним иконам, как деревянным, так и меднолитым, которые имелись в большом количестве в частных домах и общественных моленных. При этом самое пристальное внимание уделялось соблюдению древних канонов в иконописи, а новые живописные изображения Христа, Богородицы и святых старообрядцами за иконы не признавались. Кладбищенский наставник Феодор Федоров, согласно протоколу допроса в Алатырском уездном суде от 22 августа 1821 г., особо подчеркивал, что старообрядцы «Поклонение Господу Вседержителю, Божией Матери и святым угодникам имеют как настоящие христиане, только имеется в том разница, что они придерживаются иконописных, а не живописных, и более изображений на медных досках» [2. Д. 332. Л. 249об.].

Молитвенные здания алатырских старообрядцев не имели престолов, поэтому их можно считать часовнями, но традиционно их называли и называют до сих пор «моленными». Использование слова «моленная» вместо «часовня» связано, скорее всего, с тем, что правительство Российской империи в XIX в. неоднократно издавало строгие предписания, которые запрещали старообрядцам строить новые молитвенные здания и, особенно, часовни. О старообрядческом настоятеле из Промзина-Городищ Петре Ивановиче Алееве в актах Алатырского уездного суда говорится: «богослужение воздаст в моленной в его доме устроенной» [2. Д. 275. Л. 28]. Молитва в частных домах законами Российской империи не преследовалась, поэтому именно в первой четверти XIX в. в официальных документах судебного делопроизводства распространился такой термин, как «молитвенная изба», безусловно возникший из слова «моленная». Например, в приказе Алатырского уездного суда от 12 ноября 1821 г.: «В протчем у них никаких вновь установленных, а, особенно, часовен не имеется, а продолжают молитву и поклонение святым иконам... в особо означенных для сего молитвенных крестьянских избах» [2. Д. 332. Л. 253об.–254]. Старообрядцы с. Явлеи устойчиво называли общественное молитвенное здание – «моленная». Например, 25 августа 1818 г. Алатырским нижним земским судом в с. Явлеи было опрошено 85 старообрядцев и 29 старообрядок, которые показали, что «все мы с своими семействами находимся по примеру предков наших в старообрядческой секте. И обряды у нас исполняются по закону христианскому, только придерживаясь старопечатных книг. В вере же никаких суждений не имеем, молимся посемейно в домах и общественно – в, построенной для сего, называемой моленной таковым же иконам Божиим и угодников святых, какие имеются в православных церквях, а требы исправляет у нас в молитвословии родившихся младенцев, крещении оных и погребении умерших избранной всем обществом старообрядец же крестьянин Степан Кузмин Лапшин» [2. Д. 222. Л. 174].

Общественная моленная по внешнему виду представляла обычную крестьянскую избу, несколько большую, чем обычный крестьянский дом, который, конечно, не имел ни куполов, ни надглавных крестов и прочих атрибутов типичных храмов. Описание моленной дает наставник Федор Федоров, который говорит, что старообрядцы придерживаются образов иконописных и на медных досках, «каковые поклонение имеют в домах своих, а иногда и в особенных для сего молитвенных крестьянских избах, и ничем не означают публичных

заведений, в коих кроме святых икон и старопечатных книг [ничего] не имеется» [2. Д. 332. Л. 249об.].

О внутреннем убранстве старообрядческой моленной можно судить по описанию таковой в селе Промзино-Городищи, осмотренной алатырским земским исправником Сувчинским 8 января 1822 г.: «дознание села Промзино Городищ в доме, находящегося в старообрядческой секте крестьянина Петра Иванова Алеева, о устроенной моленной учинено. По коему оказалось особо выпрненной у крестьянина Алеева моленной не имеется, а состоит при доме его клеть, в коей найдено, что имеются святыя образа старинной иконописи: 1-й Всем скорбящим Божия Матери и 2-й Вознесения Господня, 3-й Одигитрия Божия Матери, 4-й святого Георгия, 5-й святая мученицы Ефросинии, 6-й медные складни во имя Господа Вседержителя, Божия Матери и Иоанна Предтеча, медный крест распятого Господа нашего Иисуса Христа, двое кожаных четок, книги старопечатные, а именно: Евангелие годовое, Поучения Иоанна Златоуста, Устав древний Ветхаго Завета, Праздничная минея, Общая минея, апостольник, псалтырь, Устав о постах, часослов, Пространной катехизис, Житие святителя Николая Чудотворца, кадилница медная с ручкою, и более сего ничего» [2. Д. 393. Л. 12–15].

Внешний вид старообрядческого наставника ничем не выделял его среди единоверцев: как и любой крестьянин он носил кафтан, в этом же одеянии он совершал и все требы. Наставник Федор Федоров прямо показал в Алатырском уездном суде на допросе 22 августа 1821 г.: «Одежды особой для сего, наподобие священнических, не имеют, а исправляют в настоящей своей одежде» [2. Д. 332. Л. 249об.].

Старообрядческие наставники в начале XIX в. составили именные списки (регистры) старообрядцев своих сельских обществ, надеясь, что они будут исключены из реестров синодальной церкви. И даже представляли эти списки как местным священникам, так и в консисторию, чтобы легализовать «незаписных» старообрядцев и оградить их от духовных преследований за совершение старообрядческих треб. Эти «старообрядческие регистры» упоминаются самими старообрядцами неоднократно. Например, наставник из с. Кладбищи Петр Макаров упоминает, что наставник из Березовского Майдана Степан Никифоров и крестьянин той же деревни Сергей Лаврентьев, «по нашему согласию и записались в регистр. Кто ж именно их в тот регистр тогда записывал, я не упомню» [2. Д. 332. Л. 230].

В бумагах Алатырского уездного суда сохранился полный текст такого регистра, составленный духовным наставником из Ямской Слободы Василием Логвиновым, в котором содержатся сведения о 90 старообрядцах мужского и женского пола (по состоянию на август 1818 г.). Любопытно отметить, что самому младшему старообрядцу указано 16 лет, а самому старшему – 70, несовершеннолетние не упоминаются вовсе [2. Д. 222. Л. 27–28].

Однако подобные списки ни синодальными священниками, ни консисторией не принимались к учету. Наличие этой тупиковой ситуации в отношениях между старообрядческими наставниками и синодальными духовными властями было констатировано Алатырским уездным судом в его приказе от 12 ноября 1821 г.: «хотя из числа их (старообрядцев. – *Авт.*) некоторые, в подаваемых начальству прозбах, и жаловались на священников в притеснениях и в непринимании начальством их о крещении вновь рожденных и похоронении умерших по обряду старообрядческому надлежащих именных списков, но в том доньине не получили себе удовлетворения» [2. Д. 332. Л. 254]. Более того, Алатырский уездный суд подошел к этому конфликту разумно, рассудив, что притеснения

старообрядцев со стороны местного духовенства не приводят к их переходу в синодальную церковь, а число старообрядческих родившихся и умерших остается государству неизвестным, поэтому будет логично возложить ведение старообрядческих метрик на самих старообрядческих наставников. И, в упомянутом выше приказе, принял решение: «оставить старообрядцев без всякого суда и взыскания как они есть, и всякое к ним притеснение от священников будто оно точно происходит посредством духовного правительства, оградить, не принуждая их, старообрядцев, сильно к принятию установленных в церквах обрядов. Суд нужным считает, согласно с Высочайшим повелением, вменить в обязанность духовенству, чтобы они через своих увещателей склоняли их, старообрядцев, к принятию новых обрядов добровольно, а дотолева, покамест мера сия будет иметь свои успехи, не излишним предполагается к охранению порядка для щету в Государстве убылых и прибылых, через метрические книги установленного, принимать от старообрядцев о рожденных и умерших людях именные списки, которые они должны доставлять духовным властям, а в случае неприятия оных, то представлять оные в Земский суд для отсылки в Духовные правления или чрез Губернское правление в Духовную консисторию» [2. Д. 332. Л. 255].

Выводы. Исследования показали, что материалы Алатырского уездного суда в целом адекватно отражают развитие политики Российской империи по отношению к старообрядчеству в первой трети XIX в., которая прошла несколько этапов: от нейтрального отношения к покровительству, а затем к жесткой административной репрессии на фоне увеличивающейся численности старообрядческих общин и роста их общественного влияния.

Наиболее значимые старообрядческие общины Алатырского уезда располагались в крупных торговых селах – Явлеи (поморцы), Кладбищи (федосеевцы и поморцы), Сыреси (спасовцы) и других населенных пунктах уезда. По общему происхождению старообрядцы, большей своей частью, принадлежали к крестьянам, при этом среди них были как государственные, так и частновладельческие крестьяне, а также бывшие солдаты. Заметную прослойку среди старообрядцев Алатырского уезда занимали ямщики. В этих селах в большом числе располагались общественные и частные моленные, например, только в одном селе Явлеи в конце 1840-х гг. их было пять. В общинах проходила активная религиозная и молитвенная жизнь, совершались общественные молитвы, крещения, погребения, заключались браки по чиноположениям соответствующих старообрядческих согласий. Старообрядцы Алатырского уезда имели обширные связи с другими старообрядческими общинами не только в Симбирской губернии, но и далеко за ее пределами. Религиозные и предпринимательские отношения алатырских старообрядцев простирались по всему Поволжью и Европейской России и достигали даже старообрядческих поселений некрасовских казаков на Дунае на территории Оттоманской Порты. В старообрядческих общинах Алатырского уезда настоятели избирались внутри общин и благословлялись на настоятельство старшими наставниками. Они совершали требы, дозволенные по канонам православной церкви совершать без священника, а также вели реестры старообрядцев своих обществ. Практически все настоятели уезда в первой трети XIX в. подвергались судебным преследованиям и репрессиям.

Либеральный курс в отношении старообрядцев Алатырского уезда сменился сначала политикой жестких ограничений, а затем и прямых преследований в период правления Николая I. Своего пика эти преследования достигли во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XIX в. Алатырским уездным судом, а также Симбирской палатой уголовного суда нередко стал применяться такой

вид репрессии, как ссылка старообрядцев в Закавказский край, когда годных для службе старообрядцев зачисляли в состав нижних чинов Закавказского корпуса, а не годных к службе направляли туда на поселение вместе с женами. Детей старообрядцев также нередко стали отбирать у родителей и передавать на воспитания либо родственникам, либо односельчанам, принадлежащим к синодальной греко-русской церкви.

Принимая во внимание результаты исследования, можно сказать, что на их основе открывается возможность комплексно изучить следующий этап развития старообрядческих общин Алатырского уезда, который охватывает период второй половины XIX – начала XX в.

Литература

1. Аристов Н. Раскол в Симбирской губернии: Исторический очерк // Православный собеседник. 1877. Ч. I. С. 35–80.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 88. Оп. 1.
3. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Счисление раскольников // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Полное собрание сочинений. 2-е изд. СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Марксъ, 1909. Т. 7. С. 384–409.
4. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. XXI. СПб.: Тип. II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 15581 (от 8 ноября 1782 г.).
5. ПСЗРИ. Т. XXII. № 16238 (от 12 августа 1785 г.).
6. ПСЗРИ. Т. VI. № 4009 (от 15 мая 1722 г.).
7. ПСЗРИ. Т. V. № 2991 (от 8 февраля 1716 г.).
8. Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Кн. 1 (1716–1800). СПб.: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1860. С. 1–2.
9. Тимофеев В.В. Русские старообрядцы в XVIII–XX вв.: Опыт предпринимательской деятельности и общественного служения в России и за рубежом. М.; Чебоксары: Академия права и управления (институт), Чебоксарский филиал, 2006. 388 с.

ТИМОФЕЕВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, Россия, Чебоксары (timoval2001@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4692-341X>).

ТИМОФЕЕВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ – аспирант, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, Россия, Казань (p-timofeev96@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4771-7928>).

Valery V. TIMOFEEV, Pavel V. TIMOFEEV

OLD BELIEVERS OF THE ALATYR DISTRICT OF THE SIMBIRSK PROVINCE ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE ALATYR DISTRICT COURT OF THE 10–40s OF THE 19th CENTURY

Key words: *religious and social groups, Old Belief, Old Believers, priests, bespopovtsy, Old Believer abbots, spiritual mentors, Old Believers prayer houses, Russian peasantry, legal proceedings, Alatyr district, Simbirsk province, the Volga region.*

This article is devoted to the study of the social status of the Old Believer population of the Alatyr district of the Simbirsk province. The relevance of the problem under study is determined by the fact that at present the process of development of religious life is actively underway in the Russian Federation, and in society there is a deep demand for the restoration of traditional values, spirituality and morality. Against this background, the issues of interaction between the authorities and the Old Believer communities at the federal and local levels, the study of their history and socio-religious model is of particular importance. The main purpose of the work is the historical study of the Old Believers as a religious and social group in the population of the Alatyr district of the Simbirsk province on the materials of the cases of the Alatyr district court in the 10–40s 19th century.

The methodological basis of the study was narrative (descriptive-narrative), historical (historical-genetic), and comparative methods. When studying the functioning of the institution of spiritual guidance among the Alatyr Old Believers, the prosopic method was used. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the work provides a comprehensive historical description of aspects of the life and work of both individual Old Believers and entire Old Believer

communities of the Alaty district, as well as their interaction with state authorities at the county and provincial levels in the state as they are reflected in the materials cases accepted for consideration by the Alaty district court of the Simbirsk province in the 10–40s 19th century.

As a result of the study, an analysis was made of the current state of the materials of the Alaty district court related to the Old Believers of the Alaty district of the Simbirsk province for the period of 1810–1840s. The position of the Old Believers in the first half of the 19th century is studied in the Simbirsk province, as well as the state policy towards the Old Believers, the placement of the Old Believer communities in the Alaty district of the Simbirsk province. Also, based on the materials of the Alaty district court, the fate of the most prominent persons among the Old Believers of the district, in particular, religious leaders and spiritual mentors, was studied.

Summing up, we can conclude that the studied materials of the Alaty district court reflect the development of the policy of the Russian Empire in relation to the Old Believers in the first third of the 19th century: from a neutral attitude to patronage, and then to severe administrative repression against the backdrop of an increasing number of Old Believer communities and their growth of public influence. The most significant Old Believer communities of the Alaty district were located in large trading villages – Yavlei (Pomortsy), Cemeteries (Fedoseevtsy and Pomortsy), Syres (Spasovtsy) and other settlements of the county. By social origin, the peasants of the Old Believers belonged, for the most part, to the peasants, while among them were both state and privately owned peasants, as well as former soldiers. A noticeable layer among the Old Believers of the Alaty district was occupied by coachmen. In these villages, public and private prayer houses were located in large numbers. In the communities, public prayers, baptisms, burials were performed, marriages were concluded according to the rules of the corresponding Old Believer agreements. The Old Believers of the Alaty district had extensive ties with other communities not only within the limits of the Simbirsk province, but also far beyond its borders. In the Old Believer communities of the Alaty district, the rectors were elected within the communities and blessed by the senior mentors. They performed rites, and also kept registers of the Old Believers of their societies. Almost all the abbots of the county in the first third of the 19th century subjected to prosecution and repression.

References

1. Aristov N. *Raskol v Simbirskoi gubernii: Istoricheskiocherk* [Schism in the Simbirsk Province: A Historical Sketch]. *Pravoslavnyi sobesednik*, 1877, part I, pp. 35–80.
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 88. Op. 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 88. Anagraph 1].
3. Mel'nikov P.I. (Andrei Pecherskii). *Schislenie raskol'nikov* [On the calculation of the number of schismatics]. In: Mel'nikov P.I. (Andrei Pecherskii). *Polnoe sobranie sochinenii. 2-e izd.* [Complete works. 2nd ed.]. St. Petersburg, 1909, vol. 7, pp. 384–409.
4. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. XXI* [Complete code of laws of Russian Empire. Vol. 21]. St. Petersburg, 1830, no. 15581 (Nov. 8, 1782).
5. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. XXII* [Complete code of laws of Russian Empire. Vol. 22]. St. Petersburg, 1830, no. 16238 (Aug. 12, 1785).
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. VI* [Complete code of laws of Russian Empire. Vol. 6]. St. Petersburg, 1830, no. № 4009 (May 15, 1722).
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. V* [Complete code of laws of Russian Empire. Vol. 5]. St. Petersburg, 1830, no. 2991 (Feb. 8, 1716).
8. *Sobranie postanovlenii po chaste raskola, sostoyavshikh syapovedomstvu Sv. Sinoda. Kn. 1 (1716–1800)* [Collection of the resolutions on the issue of the schism on the line of the authority of the Holy Synod. Book 1 (1716–1800)]. St. Petersburg, 1860, pp. 1–2.
9. Timofeev V.V. *Russkie starobryadtsy v XVIII–XX vv.: Opyt predprinimatel'skoi deyatel'nosti i obshchestvennogo sluzheniya v Rossii i zarubezhom* [Russian Old Believers in the 18th – 20th Centuries: Experience of Entrepreneurship and Public Service in Russia and Abroad]. Moscow, Cheboksary, 2006, 388 p.

VALERY V. TIMOFEEV – Candidate of Historical Sciences, Associated Professor, Department of Russian and World History, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (timoval2001@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4692-341X>).

PAVEL V. TIMOFEEV – Post-Graduate Student, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia, Kazan (p-timofeev96@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4771-7928>).

Формат цитирования: Тимофеев В.В., Тимофеев П.В. Старобрядцы Алатырского уезда Симбирской губернии в документах Алатырского уездного суда 10–40-х годов XIX века // Исторический поиск / Historical Search. – 2023. – Т. 4, № 1. – С. 68–84. DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-1-68-84.